

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЯЗЫК КАК ТЕМА СОВРЕМЕННОЙ ЛАТИНОГРАФИЧНОЙ И АРАБОГРАФИЧНОЙ ПОЭЗИИ НА СУАХИЛИ В ВОСТОЧНОЙ АФРИКЕ

А.Ю. Москвитина (Сиим)

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Восточный факультет СПбГУ anna.siiim@gmail.com

Аннотация: В статье представлен обзор письменной традиции *киарабу* на языке суахили в арабской графике, издавна являвшейся важным компонентом мусульманской суахилийской цивилизации восточноафриканского побережья и примыкающих к нему островов Индийского океана, в которую объединялся со Средних веков ряд портовых городов-султанатов, расположенных на большой протяженности от юга современного Сомали до севера Мозамбика. В колониальный период этот вид грамотности оказался постепенно вытесненным из культуры в связи с переходом на латиницу в рамках проекта стандартизации суахили и его перехода в статус официального языка в Британской Восточной Африке. Тем не менее, в новейшей истории известны случаи, когда поэты-традиционалисты в целях манифестации своей суахилийской идентичности продолжают записывать свои сочинения с помощью новых авторских модификаций *киарабу*.

Ключевые слова: Восточная Африка, суахили, *киарабу*, *машаири*.

NATIONAL LANGUAGE AS AN OBJECT OF MODERN KISWAHILI POETRY IN THE ROMAN AND ARABIC SCRIPTS IN EAST AFRICA

Anna Moskvitina (Siim)

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS
St. Petersburg State University
anna.siim@gmail.com

Abstract: The article presents a survey of Kiarabu, a tradition of writing in Swahili using the Arabic script, as an integral component of the so-called East African Swahili civilization which since the Medieval Times had been constituted as a network of coastal and island sultanates extending from the South of Somali to the North of Mozambique along the coast of the Indian Ocean. In the colonial times this kind of indigenous literacy gradually came out of use being replaced with the Roman script-based literacy within the project of standardization and making the standard form of Kiswahili an official language in British East Africa. However, Kiarabu still remains an occasional practice and a means to manifest Swahili cultural identity in some areas, where poets-traditionalists write verses in it involving newly designed dialect-based modifications of the alphabet.

Key words: East Africa, Kiswahili, *Kiarabu*, *mashairi*

1. Введение

Письменная традиция на языке суахили в арабской графике (*киарабу*) относится к старейшим и крупнейшим среди многочисленных аджамских традиций африканского континента. Объем наследия велик и включает в себя преимущественно рукописи, а также раннепечатные тексты и эпиграфику. Это записи произведений больших и малых форм суахилийской поэзии, некоторое количество повестей в жанрах биографий (*маиша*) и травелогов (*сафару*) в прозе, исторические хроники и генеалогические списки, религиозно-дидактическая литература (как мусульманская, так и христианская), деловая и дипломатическая переписка, публицистика, рекламно-агитационные тексты, надписи на могильных камнях и городских памятниках колониального периода (например, монументы *аскари*, посвященные участникам Первой мировой войны из Восточной Африки в Дар-эс-Саламе, Найроби, Момбасе).

1.1. Границы распространения и изучение киарабу

География бытования и обнаружения текстов на *киарабу* охватывает всю Восточную Африку: на западе – от северо-востока современной ДРК (провинции Уэле, Марунгу и Стэнли Фоллз в Свободном государстве Конго), как образцы переписки и договоров 1880х гг. между местными вождями и бельгийскими чиновниками (Luffin 2007: 19–21), на юге – до северных провинций современного Мозамбика, как рукопись поэмы из Ангоче о сопротивлении султаната Ангоче португальской оккупации *Utenzi wa Khupula* («Поэма о Купуле») конца XIX в. (Matiua 2022: 83–96), на севере – до юга современного Сомали, как манускрипты из Баравы на диалекте суахили *чимини* (Mumin, Dimmendaal 2019), на востоке – Коморские острова с арабографичной традицией на близком суахили коморском идиоме *шикоморо*. Но центром традиции в целом были и остаются Момбаса и Ламу в нынешней Кении и Занзибар

в составе Объединенной республики Танзания. Самые ранние из известных экземпляров письменных памятников датируются XVII в.; несмотря на постепенное и повсеместное прекращение употребления *киарабу* в связи с переходом на латинографичный стандартизированный суахили в середине XX в., сохранение и применение старописьменной традиции, с рядом оговорок, можно засвидетельствовать вплоть до настоящего времени. Научный интерес к арабографичному суахили возник еще в колониальное время.

Первое фундаментальное исследование с публикацией корпуса текстов (как в факсимильном варианте, так и в переложении на печать) — книга К. Г. Бюттнера «Суахилийские рукописи в арабской графике» — вышло в 1892 г. (Büttner 1892). К настоящему моменту история развития традиции *киарабу* и сами письменные памятники достаточно хорошо изучены, регулярно выходят новые работы, освещающие новые аспекты классических неоднократно исследованных текстов и впервые открывающие новые источники, хранящиеся в академических библиотеках, архивах научных центров и частных собраниях Европы и стран Восточной Африки. Недавно была создана компьютерная программа “Andika!” для работы с текстами и рукописями на арабографичном суахили и их транслитерации, учитывающая особенности всех региональных модификаций *киарабу* (Donnelly 2015). Тема литературы на старописьменном суахили была представлена и в отечественной африканистике в монографиях и статьях А.А. Жукова (1975, 1983, 1997), статьях В. М. Мисюгина (1966, 1971, 1972), ранних русскоязычных статьях М.А. Толмачевой (1970). Несомненной заслугой А.А. Жукова также является академический перевод на русский язык крупных классических старописьменных и новописьменных суахилийских литературных памятников. Несмотря на самостоятельность и значимость этих работ и систематичный коллективный интерес к предмету в определенный период времени, школы и преемственности в его изучении не сложилось, что связано, не в последнюю очередь, с практическим отсутствием образцов подлинных

старописьменных суахилийских источников в хранилищах рукописей и библиотеках нашей страны и ограниченным доступом к зарубежным коллекциям документов. В фондах Отдела литератур стран Азии и Африки Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге имеется факсимильное издание рукописи Swahili Hymn Book in Arabic Character **ييب ر يسوع المسيح** ((N)yī(m)bu za Yasū`u al-Masīha, «Книга гимнов на суахили арабскими буквами. Песни об Исе аль-Масихе»), изданное в 1898 г. британским Обществом распространения христианского знания (Society of Promotion of Christian Knowledge, СПСК). И это, пожалуй, все. В частном собрании есть талисман-оберег *таласиму*, представляющий собой единый комплект рукописных и печатных магических текстов, созданных на Занзибаре в середине XX в., но он относится к собственно арабской письменной традиции в Восточной Африке и не имеет отношения к киарабу (Добронравин 2005: 29–30).

1.2. Применение киарабу в колониальный период и современное состояние

В колониальный период даже в процессе реализации проекта стандартизации суахили на базе латинского алфавита, старописьменный суахили, несмотря на изначальную установку вытеснить его из всех сфер употребления, в некоторых случаях применялся не только по инерции носителями этой письменной традиции, но и по инициативе колониальной администрации. В Британской Восточной Африке и на Занзибаре на *киарабу* (а также непосредственно на арабском языке) издавалась в небольших количествах пресса; тексты на *киарабу* могли размещать на общественно значимых городских объектах. Характерный случай такого использования *киарабу* мы видим в надписях на мемориалах африканским солдатам, воевавшим за Великобританию в Первой мировой войне, в Дар-эс-Саламе, Найроби и Момбасе. Сложенные в духе и стиле, напоминающем военные эпитафии Редьярда Киплинга, тексты-посвящения павшим

на войне африканцам представлены в трех вариантах: на английском языке, на суахили в латинской графике и на *киарабу* (1).

(1)¹

هونوكمبوش و عسكار و يچ و افرك

ولييغان كتاك فيت كو

نن وكمبوش بي ووبخاز امبو

ولكومخونم كون بمجش

نوكمبوش بي ووت وت ولنتماك

وكف كواجل بمفلم ننش بو

كتاك افرك بمشرق كوي فنت كو

تك مواك مباك

وكييغني نش يك و جب ومكف

وتنت وك وتلكمبك جين لك

Huwu niwukumbushu wa asikari winyiji wa afrika
 Waliyupigana katika vita kuwu
 Nani wukumbushu piya wa wapagazi ambawu
 Walikuwa miguwu namikunu yamajishi
 Niwukumbushu piya wa watu wuti waliyutumika
 Wakafa kuwa ajili mufalimu nanshi yawu
 Katika afarika yamashariki kwinyi vita kuwu

¹ Здесь и далее фрагменты текстов на киарабу по причине ограниченных технических возможностей приводятся без огласовок.

Tuka muwaka 1914 mpaka 1918
Wukiyipiganiya nshi yaku wujapu wamikufa
Watt wako watalikumbuka jina laku.²
Huu ni ukumbusho wa askari wenyeji wa Afrika
Waliopigana katika vita kuu
Na ni ukumbusho pia wa wapagazi ambao
Walikuwa miguu na mikono ya majeshi
Ni ukumbusho pia wa watu wote waliotumika
Wakafa kwa ajili ya mfalme na nchi yao
Katika Afrika ya mashariki kwenyi vita kuu
Toka 1914 mpaka 1918
Ukiipigania nchi yako ujapo umekufa
Watoto wako watalikumbuka jina lako.
'Это памятник солдатам, уроженцам Африки,
Которые сражались в Великой войне,
И это также памятник носильщикам, которые
Были ногами и руками армии,
Это также памятник всем людям, которые служили
И погибли во имя короля и своей страны
В Восточной Африке на Великой войне
С 1914 по 1918 год.
Если ты сражаешься за свою страну, даже когда ты умер,
Дети твои будут помнить имя твое)'.³

К настоящему моменту письмо *киарабу* практически вышло из активного употребления. В городских пространствах все еще остается на виду некоторое число надписей на нем, наподобие вышеупомянутых надписей на памятниках, старых вывесок либо экспонируемых в декоративных целях старинных образцов

² Вначале представлен текст на киарабу в латинской транслитерации, а затем – в стандартной орфографии суахили.

³ Здесь и далее содержание текстов и фрагментов стихотворений на суахили представлено в переводе автора статьи.

традиционных тканей-*канга* с краткими арабографичными текстами (обычно это пословицы, строки из песен, благопожелания). Однако сегодняшние потомки носителей этой традиции в большинстве своем утратили навыки чтения арабографичного суахили и даже те, кто умеет говорить по-арабски и владеет арабской грамотой, при виде этих надписей с ходу могут определить лишь то, что это не арабский язык, а при попытке медленного прочтения по буквам и слогам им не удастся собрать их в полные слова и тем более фразы. Препятствием здесь становится отличие в членении на словесные единицы – в *киарабу* частотные односложные глагол-связка *ni* и possessивные частицы пишутся слитно с последующим существительным, а не как отдельные словоформы. Также, в зависимости от модификации алфавита, при стандартном наборе огласовок, вызывает затруднения выбор между [e] и [i], одинаково передаваемыми кесрой и [u] и [o], которые передаются с помощью даммы, а при наличии специализированной диакритики типа вертикальной кесры для [e], перевернутой даммы либо, как в некоторых авторских вариантах, «скользящей» даммы (“*damma-with-tail*”) для [o] и других элементов эти дополнительные обозначения незнакомы читающим. Прочтение несложных сообщений становится подобным расшифровке ребуса. И все же, немногочисленные очаги старописьменной культуры, где суахили в арабской графике читают и воспроизводят, существуют до сих пор; они находятся в старинных городах суахилийского побережья Момбасе (Мвите) и Ламу, где зародилась, развивалась и записывалась классическая суахилийская поэзия во всем ее жанровом многообразии и на основе местных диалектов *кимвита* и *киаму* сформировались поэтические языки.

Именно в области поэзии применение *киарабу* там не прекращалось и имеет место даже сегодня. Попробуем дать этому объяснение. Если сравнить *киарабу* с другими африканскими аджами, например, с арабографической традицией капских мусульман (капских малайцев) на языке африкаанс, существовавшей с конца XVIII в. и вышедшей из употребления в середине XX в.,

мы видим, что при широком масштабе применения и разнообразии жанров литературы в южноафриканском варианте, объем наследия – это по большей части образцы чисто богословско-правоведческой (часто переводной) и религиозно-дидактической литературы. Авторская поэзия, поэтический язык и самостоятельная традиция стихосложения на африкаанс в арабской графике практически не успели сложиться (Сиим 2004: 12–13). В случае суахили, напротив, основной объем арабографического рукописного наследия – это именно поэзия в классических жанрах *тенди* (поэмы), *машаури* (лирические стихотворения), *рисала* (послание), сложившихся в XVII–XVIII в. в прибрежных суахилийских городах, особенно в Мвите (Момбасе) и Ламу. Там культивировался пиетет по отношению к высокой поэзии, была развита культура поэтических турниров, стихосложению по канонам обучали молодежь, образованные люди умели владели искусством сочинения *машаури* и знали наизусть содержание крупных поэм *тенди*, и это являлось важным признаком причастности суахилийской идентичности. На диалекте Момбасы *кимвита* творил ее уроженец Муйяка бин Хаджи ал-Хассани (1776–1840), которого считают родоначальником (точнее, первым автором, чье имя и биография известны) светской поэзии на суахили. Признанный мастер слова и реформатор стихосложения (ему приписывается введение в оборот четверостишия *тарбийи* – впоследствии самой распространенной в поэзии строфы), Муйяка по сей день признается первым поэтом протеста благодаря большому количеству стихов в духе социально-политической сатиры и гражданско-патриотической лирики о сопротивлении завоеванию суахилийских городов султаном Омана и Занзибара. Его хорошо узнаваемые по характерной форме и выразительной иносказательной образности *машаури* стали примером для подражания последующим поколениям поэтов, в том числе в период колонизации, против которой высказывались в стихах иносказательно – языком, называемом *Kiswahili cha ndani* («внутренний (потайной) суахили») (Durrani 1988: 29). Упоминания его имени, апелляции к нему как к главному поэту, цитаты из его

стихов и внутренний диалог с ним характерны для сочинений многих современных поэтов-традиционалистов, в том числе, пишущих на *киарабу*. Начавшийся в 1930х гг. процесс стандартизации суахили на основе латинской графики и на базе южного диалекта – занзибарского *киунгуджа* – был наиболее негативно воспринят именно в регионе Момбасы и Ламу. Именно там, помимо угрозы вытеснения на периферию привычной старописьменной традиции, болезненно осознавали перспективу маргинализации местных диалектов, которые, будучи издавна связанными с богатым поэтическим наследием, по умолчанию признавались более эстетически совершенными и богатыми формами языка (Bolton 2016: 67). Тем не менее, в дальнейшем, с 1950х гг., проекты становления национальных современных литератур на суахили в Кении и Танганьике оказались в ведении литературных деятелей, воспитанных в ключе классической старосуахилийской словесности, таких, как, например, входивший в колониальный Суахилийский комитет и учредивший «Поэтическое общество Танганьики» крупнейший восточноафриканский поэт и писатель Шаабан Роберт (1909–1962). Благодаря усилиям подобных подвижников, традиционные поэтические жанры были сохранены и адаптированы к реальности Новейшего времени и продолжают существовать до сих пор. Среди поэтов нового поколения число традиционалистов *ванаджади* (суах. *wanajadi* ‘люди традиции’), пишущих в старинном жанре *машаури* в соответствии с его формально-стилистическими канонами, по-прежнему велико. Развивающаяся же с 1970х гг. модернистская *шаури ла вагундузи* («поэзия экспериментаторов» (от суах. *wagunduzi* ‘открыватели’), отвергающая нормы классического стихосложения, в теоретических трудах по суахилийской поэтике иногда классифицируется как отдельный вид *бахари* (суах. *bahari* ‘бахр, размер’) – *шаури хуру* (суах. *shairi huru* ‘свободный стих’, то есть, стих, не учитывающий каноны поэзии) либо *шаури гуни* (суах. *shairi guni* ‘неточный стих’, то есть стих с нарушением *аруза* (суах.-араб. *arudhi* ‘стихотворный размер’), то есть включается как девиантный вариант в систему, сфор-

мулированную исключительно в классических, в том числе, заимствованных из арабского языка, терминах и понятиях.

2. *Киарабу* и тема языка в современной поэзии

2.1. Сторонники *киарабу* и их деятельность

Редкий выбор в пользу *киарабу* при записи поэтических произведений можно назвать особой формой самовыражения авторов, придерживающихся крайне традиционалистской позиции. Эти весьма немногочисленные, но хорошо известные в сфере суахилийской словесности фигуры, родом из старинных центров исторической Усвахилини (суахилийской цивилизации) – Момбасы и Ламу. Будучи, как правило, авторитетными мусульманскими учеными, литературными деятелями и владельцами библиотек арабографичных рукописей и изданий, они ощущают себя прямыми наследниками живших на их родине великих поэтов прошлого, хранителями и знатоками традиции, способными и обязанными по долгу чести ее воспроизводить. Благодаря энтузиазму даже небольшого числа таких культурных лидеров, их установки на сохранение старописьменной традиции получают отклик в среде их почитателей и вызывают интерес исследователей.

Ярким представителем этого типа суахилийских культурно-религиозных деятелей был Шейх Яхья Али Омар (1924–2008), уроженец Момбасы, много лет преподававший старописьменный суахили и суахилийскую поэзию в Школе востоковедения и африканистики в Лондонском университете (SOAS), передавший крупное собрание рукописей и изданий на *киарабу* в фонд специального хранения библиотеки SOAS и каталогизировавший имевшиеся там старосуахилийские манускрипты. Помимо непосредственно коллекционирования и изучения этих источников, он записывал на *киарабу* образцы современной ему авторской и народной поэзии и разработал унифицированную модификацию суахилийского аджами для момбасского диалекта *кимвита*

(Omar & Frankl 1997: 59). В память о вкладе Шейха Яхьи в изучение и сохранение *киарабу* была создана программа для компьютерной транслитерации «Andika!», позволяющая без труда конвертировать любой текст на суахили из латиницы в арабицу и облегчающая работу со старописьменными манускриптами (Donnelly 2015).

В отличие от Яхьи Али Омара, который значительную часть жизни провел за пределами Восточной Африки, деятельность знаменитого кенийского поэта Махмуда Ахмада Абдулкадира Устаза Мау (р. 1952) связана с его родным городом Ламу, где он является имамом старейшей из местных мечетей и преподавателем нескольких коранических школ. Он был первым имамом, начавшим читать пятничные проповеди на суахили, что в 1980-х гг. было рискованным нововведением. Его проповеди пользуются популярностью и транслируются по радио, телевидению и в Youtube, столь же востребованы его *тенди* и *машаури*, написанные в соответствии с классическим поэтическим каноном и намеренно сохраняющие присущую старосуахилийской поэзии религиозно-наставительную специфику и характерные клише (Ahmad & Frankl 2013: 2–4). Традиционная дидактичность с прямыми отсылками к знаменитым поэмам 19го в. особенно ощущается в крупных формах – поэмах-*тенди* *Wasiya ya Mabanati* «Наставление девушкам» (1974 г.), *Haki za watoto* «Права детей» (2000 г.), *Ramani ya maisha ya ndowa (mume)* «План брачной жизни для мужчины» и *Ramani ya maisha ya ndowa (mke)* «План брачной жизни для женщины» (оба 2006 г.) и др.; по своей сути, все они представляют собой проповеди в стихах на актуальные злободневные социальные сюжеты. Его поэтические сборники и отдельные произведения издавались в латинице, широко распространены их аудиоверсии на кассетах и компакт-дисках и других носителях, многие из них также существуют в формате авторских рукописей на *киарабу* в модификации, близкой к алфавиту Яхьи Али Омара. Среди большого разнообразия тем, важное место в *тенди* и *машаури* Устаза Мау занимает родной

язык и культурно-лингвистическая идентичность его носителей. В поэмах *Kiswahili* ‘Суахили’ (2003 г.) и *Kulindeni Kiswahili* ‘Защите суахили’ (2010 г.) наименование языка даже вынесено в название. Архив и фамильная библиотека Устаза Мау (собрание собственных произведений в арабской и латинской графике и семейные документы и рукописи на суахили в арабской графике в количестве 199 единиц) были оцифрованы и размещены в Цифровой библиотеке Университета Лос-Анджелеса (UCLA Library Digital Collections) как Цифровой архив Устаза Мау (UMADA, Ustadh Mau Digital Archive). Большая его часть выложена в открытый доступ в Интернете.⁴ Кроме того, о феномене Устаза Мау и его творчестве вышел ряд публикаций, включая коллективную монографию 2023 г. “In this Fragile World: Swahili Poetry of Commitment by Ustadh Mau”, выпущенную издательством Brill в 2023 г. Такой интерес зарубежных исследователей к пишущему на *киарабу* поэту оказываются важным фактором роста популярности автора и стимулом к творчеству в целом и применению *киарабу* в частности. Следовательно, изъявление симпатии к лингвистам-суахилистам также становится темой сочинений, как, например, в состоящем из двадцати шести четверостиший *машаири* Устаза Мау Uzunduzi wa RISSEA, написанном в 2008 г. по случаю открытия Исследовательского института по изучению суахили в Восточной Африке, в котором он восторженно приветствует появление такого учреждения и перспективы сотрудничества с ним (... *lugha yetu wailinde, mila yetu waipende ... watowe maoni bora ya Kiswahili bendera kwa kite kukumbatiya* ‘... пусть защищают наш язык, пусть любят наш обычай ... пусть решают лучшим образом, как бережно держать знамя суахили’).

⁴ Подробнее см. <https://digital.library.ucla.edu/catalog/ark:/21198/z1n648z7>.

2.2. Примеры произведений и особенности их формы

В обширном литературном наследии Устаза Мау самым известным произведением стало написанное на *киарабу* Kiswahili (‘Суахили’). Оно неоднократно публиковалось в переводе на английский и французский язык (Ahmad & Frankl 2013: 8–10; Raia & Vierke 2023: 196–217). Сочинение 2003 г. было записано автором в арабской графике, текст состоит из восемнадцати строф-*убети* (суах.*ubeti* ‘строфа’). Это классическая *тарбуа* (суах.-араб. *tarbia* ‘четверостишие’), где в каждом *убети* четыре зарифмованных строки из шестнадцати слогов-*мизани* с внутренней рифмой на границе между двумя восьмислоговыми фрагментами *кипанде*. Именно такой тип строфы предпочитал прославленный суахилийский поэт Муйяка, несколько раз упомянутый в самом тексте.

Рукопись стихотворения *كسواحل* (*Kiswāhili*) (представленная в цифровом архиве UMADA и полностью приведенная у (Ahmad & Frankl 2013: 11–15) представляет интерес не только с точки зрения содержания, но и в плане оформления и записи. Текст, записанный ручкой на пяти разлинованных тетрадных страницах, начинается с *басмалы* и названия *كسواحل* (*Kiswāhili*). Даже написание наименования языка различается у разных авторов: к примеру, на сайте программы по графической конвертации суахили «Andika!» везде указывается форма *كسوحيل* (*Kiswahīli*). Последняя более точно передает суахилийское ударение в словах на предпоследнем слоге с помощью продления гласного (ي-), а вариант Устаза Мау ближе к изначальному арабскому написанию слова *سواحل* (араб. *sawāhil* ‘берега, поселения на побережье’), от которого произошло название языка. В конце рукописи есть своего рода колофон – датировка, написанная обычными цифрами (30/7/03). Композиция текста на странице отличается от классической, применявшейся переписчиками Муйяки в конце XIX века. Строфы отделены друг от друга горизонтальными прочерками, при записи строк сделаны очень большие пробелы между двумя отрезками *кипанде*, в то время как в старых образцах *машаири*

могли записывать без пробелов по две шестнадцатисложных строки практически в одну линию, то есть один бейт помещался в двух длинных строках. Способ структурирования текста Устаза Мау, которым он пользуется и в других случаях, больше напоминает то, как впоследствии после стандартизации писали и издавали транслитерированные в латиницу старые и написанные в латинице новые стихи. Восприятие границ слова в *киарабу* Устаза Мау также, похоже, обусловлено влиянием современной записи суахили в латинице и во многом отличается от старого написания. Например, односложные глаголы-связки *ni / si* и possessивные частицы пишутся обособленно, в то время как раньше их писали слитно со следующим либо (реже) предыдущим словом, так как в системе координат арабграфичной записи отдельных слов, записанных одной графемой, быть не могло (ср. *نوكمبوش niwukumbushu (ni ukumbusho*, ‘это есть памятник’ из процитированной выше надписи на монументе *аскари* *ن تونغ زمسلى ن هزف اصلان* *ni tungo zimesaliya na hazifi asilaani* ‘эти стихи остались и не умирают никогда’). Это стихотворение, как и другие произведения Устаза Мау, написано с элементами его родного диалекта *киаму*. Это, например, отличающиеся от стандартного суахили и лежащего в его основе занзибарского диалекта чередования *t / ch (matozi* вместо *machoz* ‘слезы’, *tini* вместо *chini* ‘внизу’, *muliponiwata* вместо *muliponiwacha* ‘когда вы оставили меня’), *j / g (pija* вместо *piga* ‘бить’), *y / j (kuniyuwa* вместо *kunijua* ‘знать меня’), замена префикса 8 го класса *vi-* на *zi-* (*zita* вместо *vita* ‘война’, *ziyongozi* вместо *viongozi* ‘предводители’ *zisiwani* вместо *visiwani* ‘на островах’) и др. Для поэтов-традиционалистов, каковым является Устаз Мау, диалект ставится превыше стандартизированного суахили *санифу* как более богатая и самобытная форма языка; в ряде произведений он говорит о необходимости спасения и сохранения не только суахили, но и, собственно, *кийяму (киаму)*. Для ряда авторов также характерно прибежание к элементам чужих диалектов в некоторых контекстах в целях демонстрации осведомленности в этой области; например, писавший на диалекте

китумбату знаменитый занзибарский поэт Хаджи Гора Хаджи (1933–1921), которому принадлежит концептуальное высказывание о преимуществе диалекта в поэзии “*Sanifu na lahaja pua na mdomo*” (суах. ‘Стандартный (язык) и диалект – как нос и рот’, т.е. качественно разные), в некоторых стихах намеренно местами переходит на *кимвита* либо *киаму*, таким образом делая аллюзии на стиль других поэтов и входя с ними в диалог.

2.3. Специфика содержания:

позиция традиционалиста и поэтический диалог

В суахилиязычной поэзии размышления о языке и его нормах, опасности его исчезновения и необходимости его сохранения и развития, а также о культурно-лингвистической идентичности, вылились в особый тематический жанр, условно называемый *элиму* (суах. *elimu* ‘знание’, ‘образование’). У большинства крупных поэтов, особенно *ванаджади* («традиционалистов») такие произведения о судьбе суахили встречаются достаточно часто. Более того, в соответствии с приемом *маджибиано* (суах. *majibiano* ‘ответы друг другу’) – поэтического диалога – авторы в стихах развернуто отвечают на вопросы о суахили, сформулированные их предшественниками либо современниками и в процессе ответа ставят новые проблемы, адресуя их коллегам по ремеслу. Произведения Устаза Мау о суахили, таким образом, вписываются в общую традицию, а стихотворение *Kiswahili* («Суахили») в максимально концентрированном виде выражает достаточно радикальную и бескомпромиссную позицию автора по поводу состояния и будущего языка.

Концепция *Kiswahili* («Суахили») довольно необычна. Это я-нарратив, в котором повествование полностью ведется не от имени автора, а от лица самого языка суахили в образе матери. Это отсылка к знаменитым предшественникам, ведь описание родного языка через материнские эпитеты распространено в суахилийской поэзии, например, в известном стихотворении Шаабана бин Роберта “*Titi la mama*” («Материнская грудь»):

(2)

Titi la mama litamu, hata likiwa la mbwa,
 Kiswahili naazimu, sifayo iliyofumbwa,
 Kwa wasiokufahamu, niimbe ilivyo kubwa,
 Toka kama mlizamu, funika palipozibwa,
 Titila mama litamu, jingine halishi hamu.
 ‘Грудь матери сладка, даже у собаки.
 Суахили, великую славу твою, сокрытую
 От тех, кто не знает тебя, решаюсь воспеть.
 Лейся потоком, проникай сквозь преграды,
 Грудь матери сладка, иная не утоляет голод.’

Для суахилийской поэзии вообще характерен прием, когда объект – будь то неодушевленный предмет либо абстракция – говорит сам за себя и это придает содержанию бóльшую убедительность, например, когда в стихотворении о вреде абортов повествование ведется от лица неродившегося ребенка. В Kiswahili («Суахили») язык в образе матери обращается к своим кровным детям – истинным носителям языка суахили, уроженцам суахилийского побережья (*wanangu mimi wa damu wana wana Uswahilini* ‘дети мои по крови, сыны Усвахилини’), напоминая им об их особенном происхождении, упрекая их в пренебрежении к своим корням, жалуясь на несправедливость по отношению к себе. Пессимистичный и экзальтированный тон нарратива характерен для тематического жанра *маомби* (суах. *taombi* ‘мольба’, ‘плач’).

(3)

Kunyamaa nimechoka taaanyaamaa hata lini
Wanangu huniepuka kuwaona natamani
 ‘Молчать я устала, доколе мне молчать,
 Дети мои избегают меня, я же желаю их видеть.’
 Mimi mamenu sitaasa wala sina punguwani
 Nimezaa wa mambasa na kungine zisiwani

‘Я, ваша мать, не бесплодна, мои силы (детородные) не уменьшились,
 Я родила тех, кто из Момбасы и из иных мест на островах.’
 Ndimi mamake Muyaka ... na wengi wake wendani
 Walitoka mtumboni wa kawaa kama nyota
 ‘Именно я мать Муйяки ... и многих его товарищей,
 Они вышли из утробы и сияли как звезды.’

(Здесь под «теми, кто из Момбасы», подразумеваются прежде всего Муйяка и упоминаемый в тексте как *malenga wa Mvita* «певец Мвиты» (по названию его поэтического сборника) современник Устаза Мау Ахмад Нассир Джума Бхало (1936–2019)).

В процессе становления и развития национальных литератур на суахили в Танзании и Кении в произведениях, посвященных языку, регулярно ставился вопрос об происхождении суахили и идентичности говорящих на нем: у А.Н. Джумы Бхало в стихотворении *Nawau'za Waswahili* «Я спрашиваю вас, суахилийцы» в конечных строках четверостиший тринадцать раз подряд в различных вариациях повторяется вопрос «... *Kiswahili ni lugha ya watu gani?*» ‘Суахили – это язык каких людей?’, у поэта Саиди Нгузо так же повторяется пятикратно вопрос «Кто и когда стал говорить на суахили?» и др. Поэтические ответы на этот вопрос не раз формулировались в произведениях других знаменитых поэтов, например в *Kiswahili* («Суахили») 1994 г. и еще нескольких сочинениях занзибарца Хаджи Гора Хаджи:

(4)

... *warathi wa Kiswahili*
Ni hao nilitongowa, ndio wanostahili
Vyengine havitakuwa, ni vitendwapo batili
Lugha hii Kiswahili, wenyewe ni wa mwambao
 ‘... наследники суахили,
 Это те, о ком я говорю, те, что достойны,
 Иначе не будет, и тщетны попытки это сделать,
 Этот язык – суахили, его обладатели – с побережья.’

В *Kiswahili* («Суахили») Устаза Мау ответ на этот вопрос вкладывается в уста самого языка, созвучен по сути словам Хаджи Гора Хаджи и является типичной рефлексией представителей традиционалистов *ванадждади*. Однако вердикт, который выносит Устаз Мау устами самого языка суахили в образе матери, максимально пессимистичен: истинные суахилийцы, «кровные дети» суахилийской культуры теряют корни, не следуют примеру великих предшественников. И хотя сам по себе язык априори обладает потенциалом для развития, инертность его носителей приводит к тому, что ниша языкового творчества и исследований оказывается занятой и оккупированной «посторонними» (суах. *wangine* ‘иные’, ‘инородцы’, суах. *was(i)o wangu* ‘не мои’).

(5)

*Bado kuzaa naweza siyakoma ukingoni**Lakini mumenipuuzaa ...**Wangine meitokeza kunipangiya kanuni**Musamiyati kubuni nyinyi muliponiwata.*

‘Я все еще могу рожать, не кончаю свои дни на обочине

Но вы меня обесценили,

На сцену вышли другие, и теперь они составляют мне правила,

Создают словари, а вы меня покинули.’

Деятельность *wageni* (суах. ‘чужаков’) во всех областях, связанных с языком, – образовании, научных исследованиях, литературном творчестве, – вызывает у автора отторжение, о том, что носители суахили сдали позиции во всех сферах и вывели ситуацию из-под контроля, говорится с сожалением.

(6)

*Wafanyao utafiti wa uzamili zuwoni**Waswahili ni katiti au hawapatikani*

‘... Среди тех, кто занимается исследованиями в аспирантуре в высшей школе,

Суахилийцев очень мало, либо их вообще нет».’

Hata kwenye ushairi waso wangu wamebuni

Zilizo huru bahari kwa kuoleza wageni

Mimi hayo siyakiri si mashairi kifani

‘ ... Даже в поэзии те, что не мои (родные) сотворили

Свободные бахры (размеры), подражая инородцам,

Я не признаю все это, это не поэзия ... ’

Некоторые крупные поэты-модернисты, например, Эфрас Кезилахаби и Китака ва Мбериа, внесшие значительный вклад в развитие суахилийской поэтики и занимавшиеся разработкой аппарата философской и поэтической терминологии на суахили, не скрывали и неоднократно подчеркивали, что не являются *васвахили* по рождению и происходят из иной языковой среды, но это не является препятствием к творчеству и восприятию суахили как родного языка. Жесткая обесценивающая критика сторонников свободного стиха, возможно, является здесь эмоционально окрашенным художественным преувеличением, однако очевидно, что каноны модернистской поэзии чужды и неприемлемы для традиционалистов, и Устаз Мау говорит об этом при любой возможности. Имевшие место в суахилийской поэзии с 1970-х годов конфликт и конкуренция традиционалистов и модернистов актуальны до сих пор, однако при этом важно отметить, что многие крупные современные поэты, тоже не являющиеся суахилийцами по рождению, принципиально предпочитают свободному стиху традиционные поэтические формы – достаточно вспомнить танзанийцев Теобальда Мвунги, Дэвида Массамбу, а также кенийских поэтов Китула Кингеи и Кинеене ва Мутисо и других (Фролова 2022: 244–246).

Противопоставляя истинных суахилийцев (своих) деятелям нового поколения (чужим), автор прибегает к приему введения говорящих имен, сетуя на то, что книги и школьные учебники на языке суахили написаны *вабара*, выходцами с материковой части страны и обладателями характерных для внутренних областей Кении фамилий.

(7)

*Angaliya na zitabu zisomeshwao shuleni
Hazandikwi na Rajabu si Sudi wala si Shani
Njoroge ndiyo katibu ashishiyeo sukani
Charo na wake wendani nao nyuma hufuata*

‘Посмотри на книги, по которым учатся в школе:

Пишут их не Раджабу, не Сауди и не Шани

Писавший их – Нджороге, и он у руля,

Чаро сотоварищи следуют за ним.’

Таким образом, Устаз Мау в несколько провокационной форме высказывает сожаление об утрате идеала суахилийской культуры золотого века, где главными слагаемыми идентичности были ислам, система ценностей *адабу* и выражающий ее язык суахили. Считая себя и среду своих последователей в Ламу одним из последних оплотов этой формы культуры, этот авторитетный религиозно-общественный лидер и признанный мастер слова доводит следование классической поэтической традиции до логического предела в области материализованной формы, записывая свои произведения с помощью *киарабу* и тем самым доказывая жизнеспособность старописьменной культуры.

3. Заключение

Суахили – один из немногих африканских языков, избранных взамен языка метрополии в качестве официального на всех уровнях государственного управления, торговли и сферы образования в странах Восточной Африки и ставших объединяющим началом для новых наций, прежде всего, в Кении и Танзании. Языковая политика, направленная на распространение суахили, имела сильнейший и крайне неоднозначный резонанс в среде суахилиязычных литературных деятелей, считавших себя ответственными за сохранение и развитие высших литературных форм языка. Тема суахили была и остается магистральной в произведениях поэтов;

традиционалисты и модернисты спорят о том, как нужно или нельзя писать и говорить на суахили, кто обладает истинно суахилийской идентичностью, находится ли язык под угрозой исчезновения. В этом контексте особое место занимают немногочисленные поэты крайне традиционалистского толка, которые выражают свою позицию не только в содержании произведений, но и в форме, продолжая использовать в своих работах старописьменную традицию киарабу, являющуюся в их видении неотъемлемым слагаемым литературного наследия. Однако заметно, что сам способ записи в арабской графике значительно модернизирован и отличается от тех, которые применялись до перехода суахили на латиницу, в орфографии и разделении текста на слова очевидны аналогии с современным стандартизированным латинографичным суахили.

Литература

- Добронравин, Н.А. 2005. Занзибарская магическая литература (из собрания Н.М. Гиренко). *Манифестация* 6. 29–35.
- Жуков, А.А. 1983. *Культура, язык и литература суахили*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета.
- Жуков, А.А. 1997. *Суахили: язык и литература*. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета.
- Сиим, А.Ю. 2005. *Арабографическая традиция Южной Африки (литература капских мусульман)*. СПб.: МАЭ РАН. (Автореферат дисс. ... канд. филол. наук.)
- Фролова, О.С. 2022. Суахилийская поэтическая традиция: основные этапы развития (на примере жанров тенди и машаири). *Научный диалог* 11(9). 227–251.
- Ahmad, Abdulkadir Mahmoud & Frankl, Peter J. L. 2013. Kiswahili: a poem by Mahmoud Ahmad Abdulkadir, to which is appended a list of the poet's compositions in verse. *Swahili Forum* 20. 1–18.
- Bolton, Caitlyn. 2016. Making Africa legible: Kiswahili Arabic and orthographic romanization in colonial Zanzibar. *The American Journal of Islamic Social Sciences* 33(3). 61–78.

- Büttner, Carl Gotthilf. 1892. *Suaheli-Schriftstücke in arabischer Schrift*. Stuttgart – Berlin: W. Spemann.
- Donnelly, Kevin. 2015. *Writing and transliterating Swahili in Arabic script with Andika! Manual*. <http://kevindonnelly.org.uk/swahili> (accessed 2023-10-11).
- Durrani, Shiraz. 1988. Kiswahili resistance publishing at the Kenya coast. *Ufahamu: A Journal of African Studies* 16(3). 26–34.
- Luffin, Xavier. 2007. On the Swahili documents in Arabic script from the Congo (19th century). *Swahili Forum* 14. 17–26.
- Mumin, Meikal & Dimmendaal, Gerrit J. 2019. A brief sketch of Chimiini with special focus on contact-induced phenomena. *Swahili Forum* 26. 89–121.
- Omar, Yahya A. & Frankl, P.J.L. 1997. An historical review of the Arabic rendering Swahili together with the proposals for the development of a Swahili system in Arabic Script (Based on the Swahili of Mombasa). *Journal of the Royal Asiatic Society* 7(1). 55–71.
- Raia, Annachiara & Vierke, Clarissa. 2023. *Ilimu: The importance of education*. In Raia, Annachiara & Vierke, Clarissa (eds.), *In this fragile world: Swahili poetry of commitment by Ustadh Mau*, 196–217. Leiden: Brill.

References

- Ahmad, Abdulkadir Mahmoud & Frankl, Peter. J. L. 2013. Kiswahili: a poem by Mahmoud Ahmad Abdulkadir, to which is appended a list of the poet's compositions in verse. *Swahili Forum* 20. 1–18.
- Bolton, Caitlyn. 2016. Making Africa Legible: Kiswahili Arabic and Orthographic Romanization in Colonial Zanzibar. *The American Journal of Islamic Social Sciences* 33(3). 61–78.
- Büttner, Carl Gotthilf. 1892. *Suaheli-Schriftstücke in arabischer Schrift*. Stuttgart – Berlin: W. Spemann.
- Dobronravin, Nikolay. 2005. *Zanzibarskaja magičeskaja literatura (iz sobranija N.M. Girenko)* [Zanzibari magical literature (in N.M. Girenko collection)]. *Manifestacija*. [Manifestation] 6. 29–35.
- Donnelly, Kevin. 2015. *Writing and Transliterating Swahili in Arabic Script with Andika! Manual*. <http://kevindonnelly.org.uk/swahili> (accessed 2023-10-11).

- Durrani, Shiraz. 1988. Kiswahili resistance publishing at the Kenya coast. *Ufahamu: A Journal of African Studies* 16(3). 26–34.
- Frolova, Olga. 2022. *Suaxlijskaja poetičeskaja tradicija: osnovnyje ètapy razvitija (na primere žanrov tendi i mašairi)* [Swahili poetic tradition: Main stages of development (on example of Tendi and Mashairi genres)]. *Naučnyj dialog* [Scientific Dialogue] 11(9). 227–251.
- Luffin, Xavier. 2007. On the Swahili documents in Arabic script from the Congo (19th Century). *Swahili Forum* 14. 17–26.
- Mumin, Meikal & Dimmendaal, Gerrit J. 2019. A brief sketch of Chimiini with special focus on contact-induced phenomena. *Swahili Forum* 26. 89–121.
- Omar, Yahya A. & Frankl, Peter J.L. 1997. An historical review of the Arabic rendering Swahili together with the proposals for the development of a Swahili system in Arabic Script (Based on the Swahili of Mombasa). *Journal of the Royal Asiatic Society* 7(1). 55–71.
- Raia, Annachiara & Vierke, Clarissa. 2023. *Ilimu: The importance of education*. In Raia, Annachiara & Vierke, Clarissa (eds.), *In this fragile world: Swahili poetry of commitment by Ustadh Mau*, 196–217. Leiden: Brill.
- Siim, Anna. 2005. *Arabografičeskaja tradicija Južnoj Afriki (literatura kapskix musul'man)* [Ajami tradition in South Africa (literature of the Cape Muslim community)]. Saint-Petersburg: MAE RAS. (Abstract of candidate of philology dissertation.)
- Zhukov, Andrej. 1983. *Kul'tura, jazyk i literatura suaxili* [Swahili culture, language and literature]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta.
- Zhukov, Andrej. 1997. *Suaxili: jazyk i literatura* [Swahili : language and literature]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta.